Сказание о силных могучих богатырех киевских: о Илье Муромце и о Михайле Потоке Ивановиче и Алеше Поповиче

(По рукописи Н. С. Тихонравова, № 399)

Во славном граде Киеве у князя Владимера киевского Всеславъевича был пир велик на многия князи, и на бояры, и на силныя могучия богатыри. Как будет у них пир навеселе, князь Владимер зговорил таковы слова: «Ой еси вы мои князи, и бояры, и силныя могучия богатыри и все Киевляне града Киева! есть ли у меня кому служить три службы великие? Кто бы ехал в землю турскую, взял бы дани и выходы за тритцать лет и за три годы? Хто бы ехал в землю задонскую, взял бы дани и выходы за тритцать лет и за три годы? Хто бы ехал в землю алевицкую, взял бы дани и выходы за трицеть лет (и три годы)?» И тут все позадумались; никто великому князю ответу не даст: болшия за менших, а от менших давно ответу нету. Илия Муромец зговорил таковы слова: «Свет государь князь Владимер икевски! я поеду в землю турскую, возму дани и выходы за трицеть лет и за три годы». Михайло Поток зговорил таковы слова: «А я, де, государь, поеду в землю задонскую, возму дани и выходы за трицеть лет и за три годы». А Олеша Поповичь зговорит таковы слова: «А я, де, государь, поеду в землю алевитцкую, возму дани и выходы за трицеть лет и за три годы». И те речи великому князю полюбилися: подносит им чары зелена вина. И запивают меды слаткими и с великим князем прощаются; и меж себя называются братьеми назваными, и садятся на свое добры кони, и поехали ис Киева. И как будут от Киева за пять верст, меж себя таково слово молвили: «Братцы, де, милые! хто из нас приедет до Киева, а ково не будет опосле, и нам ехать тово сыскивать». И, простясь, все поехали нарозно, всяк своим путем: Илия Муромец поехал на реку Смородину, на мосты калиновые; а та уже дорога залегала равно тритцеть лет от Соловья-разбойника Мировича. А Олеша Поповичь поехал дорогою святороскою. А Михайло поехал дорогою сваврovой возле моря синева. Ажно по мору плавает лебеть белая, и Михайло вымает из налучи своей крепкой лук, ис калчана калену стрелу и хощет убить лебеть белую. И она ему прогласила человеческим голосом: «Михайло, де, Поток Ивановичь! не стреляй, де, меня, лебеди белыя; я де по мору плаваю лебедью, а перет тобою стану девицею красною». И Михайло

не успел в налучь положить и крепкой лук, в колчан — калены стрелы, ажно пред ним стала девица лицеем зело красна. И Михайле она полюбилася: берет ея за руки белыя, и целует в уста сахарные, и сажает ея на свои на доброй кнь, и взя дани и выходы, и поехал с нею во Киев-град. Стоновитца на свой богатырской двор, идет ко князю Владимеру, бьет челом — покланяется, сам зговорит таковы слова: «Свет государь, князь Владимер киевски! привес я дани и выходы за трицеть лет и за три годы». И князь Владимер зговорит таковы слова: «Тебе у меня, Михайло, золота казна не запечатана, и кони на стойле не заперты». И подносит ему питья пьяные, — и запивает меды слаткими. И Михайло зговорит таковы слова: «Свет государь, князь Владимер киевски! ехал я возле моря синева, ажно по морю плавает лебедь белая; и я, государь, вынел из налучи своей крепкой лук, ис калчана калены стрелы, и хотел убить лебедь белую, и она мне, государь, прогласила члечским гласом: «Михайло, де, Поток Ивановичь! не стреляй меня, лебеди белыя; я, де, по морю плаваю лебедью, а перет тобою стану девицею красною». Я, государь, не успел в налучь положить крепкой лук и в колчан калены стрелы, ажно перет тобою стала девица лицеем зело красна. И мне, государь, она полюбилася, привес ея с собою во Киев-град на свой богатырской двор». И князь Владимер зговорит таковы слова: «Свет Михайло Поток Ивановичь! переступи ты мне ту девицу красную». И Михайло ответ держит: «Свет государь, князь Владимер киевски! Я ту девицу взял за себя, и я, государь, сам с нею обвенчался, крестил я, и дал ей имя — Лебедь Белая, Авдотья Лиховидовна, а венчал владыко черниговски». И почал Михайло с нею, Белою Лебедью, жить. Живет с нею три годы, а товарищи еще в Киев не приехали. (И поехал) Михайло во чистое поле тешится равно на два месяца, а без нево приехал во Киев-град купчина Золотой Орды с товары заморскими. И проведала жена Михайлова, и пошла смотреть товаров заморских. И увидел купчина красоту лица ея и почел спрашивать: «Чия, де, сия жена? и како зовут ея по имени?» И Киявлянцы ему россказывать: «Сия, де, у нас жена богатыря святорусского славного Михаила Потока Ивановича; а завут ея Белая Лебеть, Авдотья Лиховидовна». И тут купчина почал продавать товары наскоро, и поехал во свою землю. И как будет в Золотой Орде у царя Кощея неверного, сам зговорит таковы слова: «Свет государь, царь Кощей Златой Орды! сколко я не еживал по иным землям купчиною, а такой прекрасной не видывал уже трицеть лет и у единого, как есть во граде Киеве у князя Владимера Сеславьевича, у богатыря святорусского славного Михайла Потока Ивановича, — Лебеть Белая; а лицеем зело красна». И ту царь Кощей почал збирать войска. И собрав силы сорок тысящ, и Киев осадил накрепко.

Посылает посолника к великому князю Владимеру: «Ой еси ты, князь Владимер киевски! отдай мне жену Михайлову, и я прочь от Киева; а буде ты не даш мне ея, и я Киев-град взятьем возму, а людей твоих в Киеве всех вырублю, ажно и детей в полон возму». И князь Владимер зговорит таковы слова: «Ой еси вы, князи, и бояры, и все Киевляне града Киева! думайте вы да не продумайтесь: отдавать ли жену Михайлову, или нет? А топерь у нас в Киеве силных богатырей не лучилось: некому выехать против силы Кощеевы. А Михайло приедет сердит добре, станет побивать мужиков киевских». И князи, и бояры, и все Киевляне реша: «Свет государь, князь Владимер киевски! доселе в Киеве не было жены Михайловы, царь Кощей под Киев не прихаживал и Виева некрепко не осаживал, и тебе, государь, таковы кручины не бывало: отдадим жену Михайлову, и царь Кощей от Киева прочь пойдет, а Михайле дадим выбрать во всем Киеве-городе, где захощет, там возмет; хошь княиню, или боярыню, или девку посацкую — такова ж ему жена». Ажно будет ис чиста поля Михайло Поток на свой богатырской двор; встречает ево Лебедь Белая, сама зговорит таковы слова: «Свет государь, Михайло Поток Ивановичь! Бес тебя под наш Киев-град пришел царь Кощей латой Орды, а силы с ним сорок тысящ, и Киев осадил накрепко и просит меня ис Киева, и Киевляне придумали отдать меня царю Кощею неверному». И Михайло зговорит таковы слова: «Собаки, мужики Киевляня! Ссужалися бы они своими женами и дочерми, и я за свою жену умею и сам стоять». И садитца на свой добрый конь, и поехал ис Киева, и побил всю рать-силу великую, и приехал на свой богатырской двор и почал з женою своею пить и есть и тешитися. И живет з женою равно три годы; а товарищи ево еще в Киев не приехали. И поехал Михайло в чисто поле тешитца равно на три месяца, а без нево приехал пот Киев царь Кощей, а силы с ним шесдесят тысящ, и Киев осадил накрепко, посылает посолника и просит ис Киева Лебеди Белыя. И князь Владимер зговорит таковы слова: «Ой еси вы князи, и бояры, и все Киевляня! думайте накрепко да не продумайтеся: отдавать ли жену Михайлову или нет? А теперь у нас в Киеве силных богатырей не лучилось — некому выехать против силы Кощеевы; а Михайло приедет сердит добре, станет побивать мужиков киевских». И князи, и бояры, и все Киевляне реша: «Свет государь, князь Владимер киевски! доселева в Киеве не было жены Михайловы — (царь Кощей под Киев не прихаживал и Киева накрепко не осаживал, и тебе, государь, таковы кручины не бывало: отдадим жену Михайлову), и царь Кощей от Киева прочь пойдет; а Михайле дадим выбрать во всем граде Киеве: где захощет, там возмет: хошь княгиню, или боярыню, или девку посацкую — такова ж ему жена». А тово не ведают, что жена Михайлова

переставилась. Ажно едет ис чиста поля Михайло Поток на свой богатырской двор, встречают ево люди дворовые и сказывают вести недобрые, что жена ево переставилась. И тут Михайло закручинился, идет во свой высок терем, — никто ево не встречает, за руки не принимает и во уста не целует. И приходит Михайло в отхожую горницу, где жена Лебеть Белая. И Михайло зговорит таковы слова: «Прсти, де, Лебеть Белая; помню я и сам свое слова, что у нас с тобою молвено: «Хто из нас напредь умрет, — и кто останетца, и тому живому в могилу итьти». И зовет на погребение князья и бояря, и владыку черниговсково, и весь Киев-град, и сошлися все на погребение. И почал Михайло во гроб класть жену свою и сам с нею жив ложитца в могилу. И князь Владимер зговорит: «Нигде так тово не слыхано и не видано, чтобы живыя ложилися с мертвыми, а ты Михайло, жив в могилу идеш для жены своей. Али у нас тебе в Киеве невест нет? Захощу княину, или бояроню, или девку посацкую, — такова ж тебе жена». И Михайло ответ держит: «Знай, де, всяк сам себя; закопывайте, не мешкайте». И князь Владимер зговорит таковы слова: «Накладывайте досками дубовыми, насыпайте песками желтыми, а над могилою поставте сторожу крепкую: как Михайле скучетца, станет кричать громким голосом, — скоро вытаскивайте его на волной свет, не мешкайте». И, похороня ево, все по домам пошли. А Михайло сидит в могиле з женою мертвою день до вечера. И как будет о полуночи, ажно пришла змея лютая и гробницу каменную проела и пустила в гробницу двух змеинков, детей своих, и змеи те почали Лебеть Белую ссати за груди. И Михайло ухватил их и почел рвати надвое. И провищится ему змия лютая члеческим голосом: «Михайло, де, Поток Ивановичь! не рви моих змеенкав малинких, я принесу тебе живой воды». И Михайло ответ держит: «Поди ты, змия лютая, принеси мне живой воды, тогда отпущу детей твоих». И пошла змея лютая и принесла ему живой воды. И Михайло почал змеенков рват на крохи и покропляет их живою водою, — и змеи те ожили. И покропляет Михайло мертвую жену свою, и жена ево бутто от сна пробудилася. И Михайло засвистал громким голосом, и караулщики попадали; и послышали сеседы ближния, и послали роскопывать. Идет из могилы Михайло и ведет за руку жену свою, и тут все подивилися, что была мертва жена Михайлова, а Михайло оживил ее. И почал с нею житии по-старому, и живет с нею равно три годы, а товарищи ево еще в Киев не приехали. И поехал Михайло во чисто поле тешитца равно на пять месяцов. А без нево приехал под Киев-град царь Кощей, а силы с ним сто тысячь, и Киев осадил накрепко, и просит ис Киева Лебеди Белыя, и Киевляне ему отдали жену Михайлову. И царь Кощей, жену Михайлову взявши, сам и прочь пошел. Ажно приехал во Киев Михайло

Поток, встречают ево люди дворовыя, а сказывают вести недобрыя, что отдали Киевляне жену ево Лебеть Белую царю Кощею неверному; и тут Михайло закручинился. Не слазя з добра коня, ездит по Киеву, кричит громким голосом: «Собаки мужики безверныя Киевляне! за что отдали крещеную жену мою царю Кощею неверному? Управлюса я с вами и опосле сам». И поехал ис Киева и догнал царя Кощея невернова: ажно он на стану стоит з Белою Лебедью, опочив держит. И Михайло едет прямо к белому шатру; ажно увидела ево Лебеть Белая, мечится из бела шатра наскоре, сама зговорит таковы слова: «Свет государь, Михайло Поток Ивановичь! Рада тебя увидела; не хочу жива у неверново царя Кощея Златы Орды, хощу жить в Киеве у тебя, богатыря святорусского, возми меня тебе по-прежнему». И подносит ему питья пьяные наскоре, испиват Михайло и ложитца спать у них, у бела шатра. И она будит: «Восстань, гсрь, царь Кощей! Вот пришел недруг Михайло Поток — предай ему смерти скорой, так за тобою не гонитца». И царь Кощей зговорит: «Мне Михайло некакой недруг: он меня наехал соннова, се не предал меня злой смерти. Как хощеш сама с ним». И она велела у него подобрать ружья богатырские и палку железную, и Михайла оборотила каменеем, а сама поехала с Кощеем в Золоту Орду. Ажно приехали в Киев Михайловы товарищи, и почали отдавать дани и выходы великому князю Владимеру. И почали спрашивать про Михайла, а Киевляня почали им россказывать, как Михайло привез дани и выходы, и как привез Лебедь Белую и, крестя, за себя женою взял, и как приходил царь Кощей, и как Михайло был в могиле з женою мертвою, и как оживил ея, и как жену Михайлову отдали царю Кощею неверному и как Михайло в погоню погнал. И оЛеша зговорит: «Поехали, Илья, брата сыскивать». И как будут у тово камени, Олеша поднел камень в поес, Илья камень вбросил чересебя (черес себя) и рошиб на четверо; а ис тово камени выскочил Михайло Поток Ивановичь и почал им россказывать все против тово, как им росказывали Киевляне. И они поехали в царство Кощеево, убили Лебеть Белую, а царю Кощею живому очи вынели, и казну Кощеву всю себе взяли и разделили по жеребьям. И побили силы Кощевы сто тысячь и дочь ево Гану Кощевну Михайло за себя взял. А приехали в Киев-град, побили мужиков-изменьников пять тысячь, а сами жили в Киеве до старости и померли. Слава их идет до веку. Аминь.

Этнографическое Обозрение, кн. VIII, 1891, № 1.